

*На правах рукописи*



**Барина Байрта Валерьевна**

**ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ОБЪЕКТЫ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ  
(ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ  
АСПЕКТЫ)**

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (монгольские языки)

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном  
учреждении высшего образования  
«Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

**Научный руководитель:** **Мушаев Владимир Наранович,**  
доктор филологических наук, доцент

**Официальные оппоненты:** **Мусуков Борис Абдулкеримович,**  
доктор филологических наук, заведующий  
сектором карачаево-балкарского языка  
Института гуманитарных исследований КБНЦ  
РАН;

**Бальжинимаева Баярма Дашидондоковна,**  
кандидат филологических наук,  
доцент кафедры филологии Центральной Азии  
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный  
университет имени Доржи Банзарова»

**Ведущая организация:** ФГБУН «Институт монголоведения,  
буддологии и тибетологии» СО РАН  
(г. Улан-Удэ)

Защита состоится «24» декабря 2024 г. в 10.00 часов на заседании  
диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.505.01 на базе ФГБОУ  
ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» по адресу:  
358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, 7, ауд. 102.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ  
ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» по адресу:  
358011, Республика Калмыкия, г. Элиста, 5-й микрорайон, студгородок, а также на  
сайте университета <https://kalmgu.ru/struktura-kalmgu/dissertacionnye-sovety/dissertacionnyj-sovet-24-2-505-01/barinova-bajrta-valerevna/>

Автореферат разослан « \_\_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2024 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
доктор философских наук



Б.А. Бичеев

## ВВЕДЕНИЕ

Согласно общепринятому в современной лингвистике представлению язык является организованной системой, элементы которой закономерно связаны друг с другом определенными отношениями, образующими целостную структуру. Особое место в ней занимает лексико-семантический уровень, специфика которого заключается в особой упорядоченности его единиц. В частности, одна из микросистем (лексических объединений) языка отражает природные явления и объекты, в наименовании которых используются метеолексика и названия небесных тел. Важность этого лексического пласта заключается в его связи с первыми этапами освоения человеком окружающего мира, практическим и культурным опытом сравнительно-оценочной локации человека в природе и социуме.

К природным явлениям относится следующая метеорологическая лексика: наименования гидрометеоров (дождя, снега, града); наименования воздушных метеоров (разновидностей ветра); наименования светящихся метеоров (радуги, миража); наименования огненных метеоров (молний). Названия природных объектов представляют собой обозначения основных небесных тел (*нар(ан)* ‘солнце’, *сар(ан)* ‘луна’, *тэнгэр* ‘небо’, *од(он)* ‘звезда’).

В диссертации наименования природных явлений в монгольских языках классифицируются по следующим лексико-семантическим группам: 1) широкоупотребительные лексические единицы, характеризующие общее состояние погоды; 2) наименования, характеризующие температуру воздуха; 3) лексика, характеризующая атмосферные осадки; 4) обозначения движения воздушных масс, характерного для климата территорий проживания монгольских народов.

В главе о природных объектах анализируются космонимы, обозначающие небесные тела (солнце, луну, звезды и созвездия).

Названия природных явлений и объектов монгольских языков тесно связаны с творческим сознанием их носителей, а именно с разными жанрами фольклора, зафиксировавшими языковую картину мира номадов. Язык того или иного народа, отражая среду его обитания, одновременно ее интерпретирует. Так, данный пласт лексики (метеонимы, астронимы, космонимы) хранит в себе объемную культурно-историческую информацию, тесно связанную с мировосприятием, этнопсихологией, этнографией и языковой картиной мира народа. Однако в монголоведении этот интереснейший лексический пласт исследовался лишь фрагментарно – в отдельных статьях и разделах научных трудов [Бакаева 2003, Пюрбеев 2015, Баярсайхан 2004, Омакаева 2024, Куканова 2021, Чимитдоржиева 2013].

**Актуальность темы исследования** определяется важностью и необходимостью специального системного изучения наименований природных явлений и объектов в монгольских языках, способного выявить лексико-семантические и лингвокультурологические особенности метеолексики и космонимов монгольских языков, закономерности формирования и функционирования элементов этой лексико-семантической микросистемы.

В этнокультуре номадной (кочевой) цивилизации монгольских народов, человек

предстает как часть природы. Он познавал, оценивал, подстраивался и воспринимал свой окружающий мир с позиции выживания, адаптации, удобства и единства с природой, что находило соответствующее отражение в языке.

Комплексное изучение названий метеорологических природных явлений и объектов монгольских языков в лексико-семантическом и лингвокультурологическом плане позволяет извлечь лингвистическую и экстралингвистическую информацию, обнаружить материал, относящийся к традиционной культуре монгольских народов и способствующий постижению их национальной ментальности.

**Объект исследования** – лексические единицы, обозначающие природные явления и объекты в монгольских языках.

**Предмет исследования** – анализ лексико-семантического и лингвокультурологического поля наименований природных явлений и объектов в монгольских языках.

**Целью исследования** является описание, систематизация и анализ одного из важнейших пластов лексики монгольских языков, связанного с природными явлениями и объектами. Исследование реализует комплексный подход к процессам формирования и развития данной лексической группы.

В соответствии с целью исследования решаются следующие **задачи**:

- описать семантику монгольских метеонимов и космонимов / астронимов как важную часть номадного лексикона, на основе их контекстного употребления;
- дать комплексный анализ лексико-семантических особенностей обозначенного лексического пласта;
- определить экстралингвистические факторы, влияющие на формирование данной лексики;
- выявить лингвокультурологическую специфику этих наименований, на основе анализа процесса их философского и творческого (художественного, образного) переосмысления в сознании кочевых народов.

**Материалом исследования** послужили словари различного типа (двуязычные, сравнительные, толковые, этимологические), в частности: Этимологический словарь монгольских языков [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015, 2016, 2018], Монгольско-английский словарь Лессинга [Лессинг, 1960], Монгольско-русский словарь [Лувсандэндэв, 1957], Большой академический монгольско-русский словарь [2001-2002, в 4-х т.], Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика [2001], Современный монгольско-русский тематический словарь [Ульгийсайхан, Скородумова, 2008], Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) Б.Х. Тодаевой [Тодаева, 2001], Калмыцко-русский словарь [Муниев, 1977], Калмыцкий словарь Г.И. Рамstedта [Рамstedт, 1935], Калмыцко-русский словарь А. Позднеева [Позднеев, 1911], Бурятско-русский словарь [Шагдаров, Черемисов, 2006, 2008]; Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая Б.Х. Тодаевой [Тодаева, 2007], Толковый словарь калмыцкого языка (на калмыцком и русском языках) в 2-х томах [Пюрбеев, 2021], Хальмг келнэ келц үгмүдин толь (Фразеологический словарь калмыцкого языка) [Бардаев, Пюрбеев, Муниев, Мушаев, Бадмаева, Мучкаева, 2019] и др.; наблюдения над разговорной речью, фольклорные и художественные тексты.

**Источниками исследования** являются языковые материалы в общем объеме 859 лексических единиц, зафиксированных методом выборки из литературных и фольклорных произведений, авторитетных словарей, а также фрагментов разговорной речи носителей языка за период с 2018 г. по 2024 г.

В ходе исследования использовались следующие интернет-источники: «Монгольский национальный корпус», «Национальный корпус бурятского языка», «Национальный корпус калмыцкого языка», «Карта слов и выражений русского языка».

**Методология и методы исследования.** Методологическую базу диссертации составили труды ведущих лингвистов в области общего и частного языкознания: Г.О. Винокура, О.С. Ахмановой, В.В. Виноградова, А.А. Уфимцевой, Е.С. Кубряковой, Н.С. Шанского, Д.Н. Шмелева, О.Б. Сиротининой, Т.А. Бертагаева, Г.Ц. Пюрбеева, В.И. Рассадина, Э.Ч. Бардаева, Т.С. Есеновой и др.

В работе используются такие методы лингвистического и междисциплинарного анализа, как описательный, этимологический, сравнительно-сопоставительный, лексико-семантический, лингвокультурологический и статистический.

**Научная новизна** исследования состоит в комплексном анализе данного пласта лексики в двух заявленных аспектах (лексико-семантическом с элементами морфолого-синтаксического анализа на уровне сочетаемости лексем и лингвокультурологическом), который впервые проводится на материале монгольских языков. В работе дана тематическая классификация метеонимов и описание космонимов в контексте традиционных представлений монгольских народов о погоде, определены их структурно-семантические особенности с учетом лингвокультурологических факторов. Кроме того, предпринято обращение к ментальным и культурным характеристикам монгольских народов, повлиявшим на формирование данных групп слов.

**Теоретическая значимость** работы состоит в востребованности полученных результатов при изучении терминологии и лексики монгольских языков, в мотивации дальнейших лингвокультурологических разработок в области монгольского языкознания на примере других лексико-семантических групп.

**Практическая значимость** диссертации заключается в возможности использования положений и содержания диссертации в учебном процессе при преподавании дисциплин по истории монгольских языков, исторической лексикологии, а также в спецкурсах и спецсеминарах по этнолингвистике, общей и частной терминологии.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. В структурном плане языковые единицы, обозначающие природные явления и объекты, представляют собой систему *простых, составных* и *сложных* онимов; в лексико-грамматическом отношении они отражают как системную специфику определенных монгольских языков, так и лингвокультурологические особенности, определяемые материальной и духовной культурой монголо-язычных народов.

2. Процесс обогащения наименований природных явлений и объектов в языках монгольских народов осуществлялся двумя способами: 1) основной способ – использование собственных языковых ресурсов; 2) заимствования, главным образом, из тюркских языков, а также из тибетского или через него. При этом под

влиянием контактирующих языков возникали территориальные варианты исследуемых лексем.

3. Будучи лексическим сегментом монгольских языков, данные номинативные единицы связаны с уникальными культурно-эстетическими факторами, изучение которых позволяет проследить эволюцию восприятия человеком окружающей природы и объектов.

4. Исследуемая лексика, кроме номинативной функции, реализует художественно-эстетические задачи, что особенно ярко выражается в малых жанрах фольклора монгольских народов, которые вместе с высокохудожественными национальными литературными произведениями дают картину иерархии этических норм, сравнительных стандартов и оценок, ориентированных на природные явления и объекты.

5. Метеорологические условия как один из важнейших факторов в кочевом образе жизни номадов, способствовали формированию знаний и особого мировидения, нашедших отражение в языке монгольских народов. Хозяйственно-экономический уклад монголоязычных народов во многом зависел от состояния окружающего мира и погоды. Наблюдая за погодой, в своей языковой картине мира номады прогнозировали метеоусловия по характерным признакам протекания природных явлений, по особенностям небесных тел, а также последовательно и всесторонне использовали данные характеристики в повседневной жизни.

**Непосредственный вклад автора исследования.** Личный вклад соискателя состоит в сборе и систематизации фактического материала, определении и обосновании целей и задач исследования, в доказательстве правомерности выводов, полученных при анализе материала, в формулировке основных положений работы и ее итогов, в опубликовании промежуточных и конечных результатов.

**Степень достоверности и апробация результатов исследования.** Достоверность результатов исследования обеспечивается достаточным объемом лексического материала, апробированными методами анализа, соответствующими целям и задачам работы. Основные результаты исследования отражены в 12 статьях, из них 6 опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации, 3 статьи соответствуют научной специальности.

Промежуточные итоги данного исследования неоднократно обсуждались на заседаниях и научных семинарах кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики ФГБОУ ВО «Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова». Основные положения и выводы диссертации были представлены в виде докладов на международных научных конференциях: II международный научный форум «Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия» (Элиста, 2018 г.); III международный научный форум «Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве» (Элиста, 2019 г.); XX международная конференция молодых ученых «Прогресс науки – залог развития инновационного общества», посвященная 1150-летию выдающегося мыслителя Востока аль-Фараби (г. Уральск, Казахстан, 2020 г.); IV Международный научный

форум «Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований» (Элиста, 2020 г.); V международный научный форум «Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире» (Элиста, 2021 г.).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Института калмыцкой филологии и востоковедения ФГБОУ ВО «Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова» (протокол № 2 от 12.09.2024 г.).

**Структура работы:** диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных сокращений, источников, списка литературы, интернет-ресурсов и приложения.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

**Во введении** обосновывается актуальность и научная новизна исследования, формулируются его цели и задачи, приводятся положения, выносимые на защиту, определяются методология и методика исследования, его объект, предмет, теоретическая и практическая значимость, формы апробации и непосредственный вклад автора исследования.

Глава 1. **«История изучения природных явлений и объектов в языкознании»** состоит из двух разделов. В разделе 1.1. **«Лексика как система и особенности системной организации лексики природных явлений и объектов в монгольских языках»** освещает основные аспекты и понятия лексикологии, семасиологии, лингвокультурологии, важные для решения поставленных в данном исследовании задач.

Лексико-семантическая сфера языка имеет системную организацию, при этом она открыта и подвижна. Суть лексической системы состоит в иерархических связях и отношениях составляющих ее языковых элементов и их совокупностей. Основными проявлениями системности лексики признаются парадигматические, синтагматические и эпидигматические отношения, а важным признаком системности является **способность слов объединяться в разнообразные группы, «причем основанием для их группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению»** [Покровский, 1959: 82].

Слово выступает как единица этой системы и определяется по своей уникальной функции – быть средством номинации. Вслед за Д.Н. Шмелевым в данной работе под словом понимается «единица наименования, характеризующаяся целью оформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью» [Шмелёв, 1973: 52]. В нём органически слиты две стороны – форма и значение. Именно лексическое значение слова даёт ему возможность выполнять основную номинативную функцию и является в слове главным.

**Лексическое значение** слова определяется внелингвистическими (связь с денотатами) и внутрилингвистическими (связь с понятием как формой мышления, отражающей явления) факторами. Значение слова может передавать и чувственный образ, и представление, и категории мышления (понятия/суждения). Слово в своей исходной позиции отражает что-либо единичное, например, какой-

нибудь характерный признак данного явления. Но «конкретное не всегда вначале может быть понятийным, то есть это первичное обобщение может граничить и с представлением» [Бертагаев, 1974: 52]. Это разные «ступени обобщения: узуальное, дискурсивное, научно-логическое, соответствующее научному понятию» [Дондуков, 2007: 23].

В лексике на первый план выступает **познавательный аспект** языка, поэтому любое объединение слов формируется как результат обработки сознанием материала реальной жизни, мира. Изучение системности лексики предполагает выделение в ее пространстве различных групп слов по признакам, «важным с точки зрения их использования в процессе общения» [Кодухов, 2007: 133]. Упорядоченность, организованность лексики достигается путём группировки, объединения слов (*семантическое поле, семантическая общность, тематическая группа (ТГ), лексико-семантическая группа (ЛСГ)*). Вопросы разграничения и взаимосвязи ЛСГ и ТГ в современной лингвистике являются сложными и дискуссионными. Исходя из того, что *метеолексемы* и *космонимы* представляют собой объединения слов, которые «не только основаны на классификации самих предметов и явлений, но и характеризующихся семантической соотнесённостью всех входящих в них лексических единиц», базирующихся на общем семантическом признаке, эти единства определяются как ЛСГ [Кузнецова, 1980: 79].

Процесс изучения лексических объединений тесно связан с понятием **языковой картины мира**, под которой мы понимаем «зафиксированную в языке специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [Яковлева, 1994], то есть мировидение через призму языка.

Раздел 1.2. «**Природные явления и объекты как предмет изучения в лингвистике**» посвящен истории изучения лексики метеорологических природных явлений и объектов.

**Природные явления** – это любые изменения, происходящие в природе и определяемые как физические, биологические, астрономические, геологические, атмосферные, оптические, метеорологические и др. **Природные объекты** – это объекты, созданные природой. Лексика, именующая метеорологические природные явления и объекты в монгольских языках, является предметом изучения в данной работе.

Термин **метеорология** греческого происхождения (*meteoros* – «нечто о небе», «парящий в воздухе»). Её определяют как науку о погоде, влияние которой на состояние и жизнедеятельность человека известно с древности. Практика мифологического, религиозного и философского осмысления проявлений погоды закрепились в *метеонимах* – одной из древнейших и обширнейших групп лексики.

Лексика метеорологических природных явлений как семантическое единство традиционно привлекает внимание отечественных исследователей [Данилова 1972, Касьянова 1984, Щербакова 1983, Супрун-Белевич 1987, Толстой 1997, Кондратенко 2000, Анисимова 2009 и др.].

Опубликованы работы, посвященные описанию метеонимов брянских, кузбасских, новосибирских, пермских, печорских, прииртышских, приобских говоров [Васильев 1986, Гынзагова 1984, Кондратенко 1989, Михеева 1970, Пойда 1988, Пыхтеева 1978, Щербакова 1979].



В тюркском языкознании также уделяется внимание исследованию лексики природных явлений, процессу формирования и развития [Данилова 1972, Искандаров, 2009]. Метеорологические явления в уральских языках рассмотрены в монографии Ю.В. Норманской и А.В. Дыбо «Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках». Научный труд посвящен реконструкции системы названий метеорологических явлений в праязыках [Норманская, Дыбо, 2010].

В монгольском языкознании специальных крупных трудов, посвященных изучению лексики данной тематики нет, но некоторые метеорологические лексемы анализируются в отдельных статьях и разделах научных трудов [Бакаева 2003, Баярсайхан 2004, Пюрбеев 2015, Чимитдоржиева 2013, Куканова 2021, 2022, 2023, 2024, Омакаева 2024].

Данное исследование продолжает изучение обозначенной лексической группы, углубляясь в лексико-семантический и лингвокультурологический аспекты анализа.

Глава 2. «**Лексико-семантическая характеристика названий природных явлений в монгольских языках**» состоит из 4 разделов, в которых проводится комплексный анализ наименований природных явлений на обширном фактическом материале, отслеживается процесс формирования и дальнейшего развития группы именованных погодных явлений.

Наименования природных явлений представляют собой микросистему, имеющую свою структуру и состав лексем, отражающих погодные условия, передвижение воздушных масс, выпадение осадков, влияющих на состояние как человека, так и природы.

Анализ метеонимов позволил выделить 4 лексико-семантические микрополя в семантическом поле «Природа»: «погода», «воздух», «осадки», «ветер». Эти лексемы – носители общего значения микрополей / ЛСГ: они семантически наиболее просты и в этой функции минимально обусловлены контекстом. Для аспектного описания национальной специфики наименований явлений природы необходимо обратиться к трем уровням – **денотативному**, **коннотативному** и **функциональному**. Денотативный компонент высвечивает конкретные свойства, признаки предмета именованного. Коннотативный выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату. Функциональный информативен относительно особенностей функционирования слова в речи. Все эти уровни, на наш взгляд, обнаруживаются при реализации **синтагматических отношений**, которые объединяют лексемы в их одновременной последовательности.

С учетом этого были выделены 4 группы лексических единиц со значением характеристики имени определенного микрополя / ЛСГ (1 группа – 102; 2 – 132; 3 – 330; 4 – 123 лексических единиц).

В разделе 2.1. «**Состояние погоды**» лексико-семантическое и лингвокультурологическое содержание слов данной категории рассматривается в диапазоне естественных для соответствующего географического пространства проявлений погоды. Лексика данной классификационной группы распределяется по принципу градации: а) *ясная погода*; б) *пасмурная погода*; в) *ненастная погода*.

К этой группе относятся слова, квалифицирующие погоду, то есть с оценочной коннотацией.

*Ясная погода* в значении ‘безоблачный, ясный, чистый, светлый, солнечный’

широко употребляется в монгольских языках и реализуется в следующих лексемах: письм.-монг. *čelger* (*čel-ger*) / монг. *чилгэр* / ойр. *чилгер* / бур. *шэлгэр* / калм. *чилгр*; письм.-монг. *naratai* / монг. *нартай* / ойр. *нартаа* / бур. *наратай* / калм. *нарта*; письм.-монг. *čelmeg* / монг. *цэлмэг* / ойр. *целмег* (*целмег*) / бур. *сэлмэг* / калм. *целмг*; письм.-монг. *egebür-tei* / монг. *ээвэр* / ойр. *эвер* / бур. *игаабари* / калм. *ээвр*.

Данные лексемы образуют именные словосочетания, характеризующие ясную, безоблачную погоду, например, монг. *цэлмэг огторгу* / ойр. *целмег огторхуу* ‘чистое, ясное небо’; монг. *цэлмэг тэнгэр* / ойр. *целмег теңгер* / калм. *целмг теңгр* ‘чистое, ясное небо’. Наблюдения над языковым материалом показали, что в основном значения приведенных лексем в монгольских языках эквивалентны. Отсутствие безэквивалентных лексических единиц в ЛСГ обусловлено сходством восприятия окружающего мира монголоязычных народов.

Анализ прилагательного письм.-монг. *sarayul* / монг. *саруул* / ойр. *саруул* / бур. *харуул* / калм. *сарул* ‘светлый, ясный’ выявил присутствие дифференциальной семы *ночное время суток*. Во всех монгольских языках данная лексема в связи с природным состоянием среды употребляется для обозначения ясной погоды ночью, то есть характеризует определенное время суток. В этом национальная особенность данной лексем.

Языковые средства выражения состояния погоды в картине мира монгольских народов могут быть представлены как цельные и последовательные природные явления, которые системно используются традиционными носителями в прямом, переносном, сравнительно-оценочном и метафорическом значении.

Лексемы данной ЛСГ могут передавать не только прямое значение, но и реализовать переносное, характеризуя качества человека: *чилгр хэлэц* ‘ясный взгляд’, *цэлмэг ухаан* ‘ясный ум’, *цэлмэг нүд(эн)* ‘ясные глаза’, *цэлмэг үг* ‘красноречие’.

*Пасмурная погода* в значении ‘пасмурный, сумрачный, мрачный (о погоде), облачный, тёмный’ реализуется в лексемах: письм.-монг. *bürküg* (*bürkü-g*) / монг. *бүрхэг* / ойр. *бүркег* (*бүркүг*) / бур. *бүрхэг* / калм. *бүркг*; письм.-монг. *büdeger* / монг. *бүүдгэр* ‘облачный, пасмурный; затуманенный, неясный; письм.-монг. *düngsügür* / монг. *дүнсгэр* ‘мрачный, пасмурный, сумрачный’: например, *дүнсгэр өдөр* ‘хмурый, пасмурный день’; *дүнсгэр тэнгэр* ‘хмурое небо; пасмурная погода’.

*Ненастная погода* в значении ‘дождливый, ненастный’; ‘ветренный’ встречается в лексемах: письм.-монг. *boruqa-tai* / монг. *бороотой* / ойр. *бораатаа* / бур. *бороотой* / калм. *бората*; монг. *салхитай* / ойр. *салькитаа* / бур. *халхитай* / калм. *салькта*.

Лексема письм.-монг. *adqur* / ойр. *атхар* ‘хмурый, невеселый’ / калм. *атхр* ‘угрюмый, мрачный, хмурый’ в первичном значении обозначает качество человека, а во вторичном – характеристику погодного явления.

Денотативный компонент проанализированных лексем приведен в словарных статьях, он выявляет конкретные свойства, признаки предмета; коннотативный компонент (эмоционально-оценочный, связанный с дополнительным ассоциативным значением) довольно прозрачен (ясный-пасмурный-ненастный) и четко прослеживается в контекстах; функциональный компонент традиционный –

наименование качества предмета/явления и эстетическая функция (эпитеты, метафоры в художественной сфере и пространстве повседневной коммуникации).

В разделе 2.2. «Температура воздуха» представленная ЛСГ включает единицы (всего 132), характеризующие температурный уровень воздуха в диапазоне лексико-семантических подгрупп *жаркий* (52) – *теплый* (17) – *прохладный* (16) – *холодный* (47).

Понятие температуры – одна из важнейших семантических характеристик лексической системы языка. Для кочевников-скотоводов, проживающих в непростых климатических условиях зависимости от природных факторов, «температурная» лексика – особая часть национальной языковой картины мира, высвечивающая область жизненно необходимых потребностей в определенных погодных условиях. При изучении температурной семантики очень важна роль контекста в качестве языкового, семантического фактора, моделирующего действительность и актуализирующего нужный лексико-семантический вариант слова.

В каждой подгруппе температурная семантика представлена определенными лексемами: письм.-монг. *qalaγun (qala-γun)* / монг. *халуун* / ойр. *халуун* / бур. *халуун* / калм. *халун* ‘жара, зной; жаркий, знойный; горячий’; письм.-монг. *dulaγan (dul-a-γan)* / монг. *дулаан* / ойр. *дулаан (дулаан)* / бур. *дулаан* / калм. *дулан* ‘тепло; оттепель, теплота; теплый’; письм.-монг. *serigγun* / монг. *сэрүүн* / ойр. *серүүн* / бур. *хэрюун* / калм. *серүн* ‘прохлада, свежесть; прохладный, свежий’; письм.-монг. *küiytun* / монг. *хүйтэн* / ойр. *киитен* / бур. *хүйтэн* / калм. *киитн* ‘холод, мороз, стужа; остывший, холодный; студеный, морозный’.

Данные лексемы характеризуют температурное состояние воздуха от высокой степени проявления до низкой, при этом реализуя коннотативные смыслы ‘неимоверная, сильная, изнуряющая, выматывающая жара, палящий зной’; ‘теплая погода, оттепель’; ‘прохлада, свежесть, холодновато, прохладненько’; ‘сильный, пронизывающий холод, трескучий мороз’. Основная часть метеонимов обладают синкретическими формами, реализуясь в контекстах как существительное или прилагательное.

Как существительное лексема *халуун / халун* реализует сочетаемость с такими прилагательными, как монг. *их* / ойр. *ике* / калм. *ик* ‘сильный’; монг. *хүчир* / ойр. *күчир* / калм. *күчр* ‘сильный, знойный’; ойр. *бүтүү / бүтөңгүү (бүтөңгей)* / калм. *бүтү* ‘душный’; монг. *догшин* / ойр. *догшин* / калм. *догин* ‘сильный, резкий’; монг. *аагим* / ойр. *экем* / калм. *аагм* ‘душный, знойный’, монг. *бүгчим* / калм. *бүгжим* ‘душный, спертый’, *пүү халуун* ‘знойный и безветренный’, характеризуя жаркую погоду с высокой степенью проявления жары (неимоверную, сильную, изнуряющую, выматывающую).

Лексема письм.-монг. *γang* / монг. *ган(г)* ‘засуха, бескормица от засухи’ / ойр. *һаң* ‘засуха, бескормица’ / бур. *ган* ‘засуха, бездождье; бескормица от засухи’ / калм. *һаң* ‘засуха, бескормица (от засухи); засушливый, знойный’ имеет предметное значение состояния среды (сущ. *засуха, бескормица*) и семантику признака (прил. *засушливый, знойный*).

Данная лексема в контексте часто реализует значение ‘неимоверный зной, жара’, характеризуя жаркую погоду с высокой степенью проявления

температурного качества, в результате которой наступает засуха и бескормица. Для кочевых народов засуха могла обернуться трагедией – падежом скота, быстрым лишением средств к существованию. Кочевники, как правило, обитали в ареалах с засушливым климатом (степи, полупустыни, высокогорные районы). Тяжелый опыт отразился и закрепился в языке и заставил скотоводов выработать традиционную стратегию для борьбы с засухой – сезонные перемещения.

Для обозначения сильного холода в монгольских языках употребляется лексема письм.-монг. *jing* / монг. *жин(э)* / калм. *жиң* ‘холод’. Часто слово *жин(э)* сочетается с лексемой монг. *хүйтэн* / калм. *киитн*, образуя именное словосочетание: монг. *хүйтэн жин* ‘холод’ / калм. *жиң киитн* ‘сильный мороз’, букв. звенящий мороз. В такой сильный мороз звук распространялся очень далеко, шаги человека можно было услышать более чем за километр. Звук отличался высокой чёткостью, воздух буквально звенел.

Семантика компонентов данной ЛСГ в монгольских языках эквивалентна, отличие наблюдается только в отдельных языках: в ойр. *цунцаг* / калм. *цунцг* ‘зной, духота; знойный, душный’; монг. *урь (урин)* ‘тёплый воздух; оттепель; тёплое время года’; монг. *зэврүүн* ‘прохладный; прохлада, небольшой холод; прохладно’.

ЛСГ с температурной семантикой функционирует в переносно-метафорических значениях с оценочной коннотацией: *жаркий* – сердечный, искренний, дружеский; вспыльчивый, легко возбудимый: бур. *халуун баяр* ‘горячий привет; сердечная благодарность’, калм. *халун зүрхнэс* ‘от чистого сердца’, *халун мөнд* ‘горячий (сердечный) привет’, *халун нульмсн* ‘искренние слезы’; *тёплый* – радость от приятных ощущений, переживаний, ласковый: ойр. *дулаан хэлэгц* ‘тёплый взгляд’, бур. *дулаан хараса* ‘ласковый (или тёплый) взгляд’; *холодный* – неприветливый, хладнокровный, каменный, безжалостный, черствый: монг. *хүйтэн сэтгэл* ‘холодная душа’, *хүйтэн харц* ‘холодный, неприветливый взгляд’, ойр. *киитен көке чолуун зүркетээ* ‘с холодным каменным сердцем’, бур. *хүйтэн шуһатай* ‘хладнокровный’, калм. *киитн зүрктэ күн* ‘хладнокровный человек, безжалостный, не имеющий ласки, тепла, любви (букв. ‘с холодным сердцем’).

‘Жара’ и ‘холод’ были испытанием для номадов в хозяйственной деятельности, потому в фольклоре и художественной литературе эти температурные явления предстают олицетворением трудностей, препятствий. В монгольских языках часто встречаются фразеологические единицы со значением преодоления жизненных трудностей, включающие данные лексемы: ойр. *халуун-киитениги үзехе* / калм. *халун киитн хойриг үзх* ‘испытать в жизни всё, познать все невзгоды, испытать тяжкую жизнь’; калм. *халун-киитнь даах* ‘терпеть невзгоды, тяготы’; монг. *хал үзэж халуун чулуу долоох* / калм. *халун чолу долах* ‘букв. лизать раскаленный камень; испытывать жизненные невзгоды, терпеть муки, переживать трудности’.

Лексемы данной группы встречаются в поговорках монголоязычных народов в «природном / погодном» контексте, отражая языковую картину мира носителей языка. Капризы природы, от которых зависел кочевник, и закон непостоянства, постоянно проявляющийся в его трудном существовании, дали возможность сопоставлять жизненные ситуации с явлениями природы, а поведение, качества людей подсвечивались наблюдениями за животными и пернатыми. Образное переосмысление получили приметы, предвещавшие наступление холода или

мороза: ойр. *Көк манан татвл, боран орхин темдг, киитн салькн сальквлл, кирү унхин темдг* ‘Когда синие тучи затянут небо – к дождю, когда подует холодный ветер – к инею’; калм. *Утан өркэс цоонглэж хархла – киитрхин темдг* ‘Если дым из трубы поднимается прямо вверх, то к похолоданию’; *Асхар ноха кевтр хээхлэ – сөөд киитн чаңһрх* ‘Если собака ищет ночлег – ночью мороз усилится’.

Природа – первый и главный источник образных ассоциаций для кочевника, который внимательно подмечал все детали во взаимосвязи и взаимозависимости, фиксируя наблюдения в языке и тем самым создавая языковую картину мира. В языковой картине мира номадов «температурная» лексика как её особый компонент обозначила жизненно важные характеристики природных явлений, а также вдохновила творческое сознание народа на их художественное переосмысление.

В разделе 2.3. «**Атмосферные осадки**» (330) рассматриваются лексические единицы, характеризующие атмосферные осадки в виде дождя, снега, инея, метели, града, тумана, включая наименования облаков: письм.-монг. *qura* / монг. *хур* / бур. *хура* / ойр. *хур* / калм. *хур* ‘дождь; атмосферные осадки’; письм.-монг. *budang* / монг. *будан(г)* / ойр. *будаң (будуң)* / бур. *будан(г)* / калм. *будн* ‘туман, мгла; письм.-монг. *kirayu* / монг. *хяруу* / ойр. *кирүү* / бур. *хюруу* / калм. *кирү* ‘иней’; письм.-монг. *čang* / монг. *цан(г)* / ойр. *цаң* / бур. *сэн(г)* / калм. *цаң* ‘иней, изморозь’; письм.-монг. *časun* / монг. *цас(ан)* / ойр. *цасан (цасун)* / бур. *саһан* / калм. *цасн* ‘снег, снежный’; письм.-монг. *egülen* / монг. *үүл(эн)* / ойр. *үүлен (үүлен)* / бур. *үүлэн* / калм. *үүлн* ‘облако, туча’; письм.-монг. *töndür* / монг. *мөндөр* / ойр. *мөндөр (мөндөр)* / бур. *мүндэр* / калм. *мөндр* ‘град’.

Формирование национальной метеолексики зависело от климата территории проживания этноса (резко континентального, с ощутимым колебанием дневных и ночных температур, малым количеством осадков), специфики хозяйственной системы скотоводов-номадов, неразрывно связанных с природой. Осознавая зависимость благополучия стада (а следовательно, и своего) от погодных условий, номады внимательно наблюдали за проявлениями атмосферных осадков с их сезонной / межсезонной спецификой и периодичностью с позиций практичности, что нашло отражение в номадной лексике атмосферных осадков.

Самыми репрезентативными по количественному критерию являются метеонимы ‘дождь’ (53) и ‘снег’ (63), что свидетельствует о важности, значимости этих природных климатических проявлений для кочевников.

Выявлена сочетаемость метеолексем с другими частями речи, реализующая признаки атмосферных осадков по форме, величине, интенсивности, температуре, сезону, с наличием сопутствующих осадков: монг. *нарийн хур* ‘изморось’, ойр. *бүржигцнегсен хур* ‘мелкий дождь’, калм. *нэрн умишта хур* ‘моросящий дождь’, монг. *цастай хур* / ойр. *цастаа хур* / калм. *цаста хур* ‘дождь со снегом’; монг. *нимгэн цас* ‘пороша, мелкий снег’, ойр. *архайаг цасан* ‘снег, падающий хлопьями’, калм. *үүрмг умишта цасн* ‘мелкий снег крупинками’, *үүрмг зарм цасн* ‘мелкий снег’ (букв. ‘снег подобен просу’), монг. *том мөндөр* ‘крупный град’.

Понятие ‘осадки’ в монгольских языках передают лексемы *бороо(н)*, *нөөтн*, расширяющие основное значение лексико-семантическими вариантами ‘непогода, ненастье, ливень’. В ойратском и калмыцком языках лексема *бораан* / *боран*

характеризует осадки в виде *снега* и *дождя*, в монгольском и бурятском языке *бороо(н)* / *бороо* активно употребляется в значении ‘дождь’. Лексема *нөөтн* только в бурятском и калмыцком языках развила значение ‘осадки (о дожде, снеге)’.

В рассматриваемых языках часто употребляются парные сочетания в значении ‘дождь, осадки’: *хур тундас*, *хур ус*, *хур борооны зүйл*, *шиг нойтон*, *хур бороо*, *хур бораан*, *бороо хура*, *хура бороо*, *бороо нойтон*, *хур-чиг*, *хур-боран*.

Лексеммы этой ЛСГ условно можно разделить на слова с позитивной и негативной коннотацией. К первым относятся *хур* ‘дождь’, *хяруу* / *кирү* ‘иней’, *будан(г)* / *будн* ‘туман’; ко второй – *шуурга(н)* / *шуурһн* ‘метель, пурга’, *зад* ‘ненастье, непогода’, *аянга* / *аяһ* ‘гром’, *зуд* ‘дзут, гололедица, бескормица, засуха’.

Явления, обозначенные «позитивными» лексемами в представлении номадов ассоциируются со ‘счастьем, удачей, чистой энергией, благополучием, изобилием, плодородием; негативными являются следующие ассоциации: ‘страх, трудности, испытания, бескормица, падеж скота, страдания, внезапная беда, цикличность, непостоянство бытия’. Метеолексема *цас(ан)* / *цасн* ‘снег’ у монгольских народов амбивалентна: ассоциируется как с трудностями, испытаниями, так и с изобилием, плодородием, благополучием.

Метеоним письм.-монг. *jud* / монг. *зуд* / ойр. *зуд* / бур. *зуд* / калм. *зуд* ‘дзут, бескормица, гололедица’ является этнически маркированной лексемой. Данное природное явление – сложный и тяжелый период для кочевников-скотоводов. Номады наблюдали за погодой, пытались по приметам прогнозировать ее, чтобы быть готовыми к трудностям. Данный метеоним встречается во всех монгольских языках: например, монг. *ган зуд* ‘дзут-засуха (*дзут*, вызываемый длительным отсутствием дождей)’, *өлөн зуд* ‘дзут-бескормица (*дзут*, вызываемый недостатком корма, фуража)’, *туурайн зуд* ‘копытный дзут (когда от скопления животных пастбища выбиты и наступает бескормица)’, *хар зуд* ‘чёрный дзут (*дзут*, вызываемый длительным отсутствием снега)’, *цагаан зуд* ‘белый дзут (*дзут*, вызываемый большой массой снега и невозможностью добыть корм)’, *цас зуд* ‘снег с гололедицей’.

В паремии монголоязычных народов встречаются пословицы, характеризующие *зуд* и отражающие страх кочевника-скотовода перед *зудом*, который был большой бедой: *Зуд зурһан көлтә* ‘букв. У бескормицы шесть ног’, т.е. дзут может случиться в любую зиму; *Зудас малан харс, зовлцгас бийән зәәлүл* ‘Защищай скот от бескормицы, сам избегай страданий’, т.е. последствия бескормицы есть общее страдание и для скотины, и для хозяина.

В монгольских языках метеоним письм.-монг. *egülen* / монг. *үүл(эн)* / ойр. *үүлэн* (*үүлэн*) / бур. *үүлэн* / калм. *үүлн* ‘туча, облако’ является атмосферным явлением, по которому определяли выпадение того или иного осадка, но в сочетании с другими частями речи обозначает различные виды облаков и туч: ‘светлые, недождевые облака’, ‘дождевые облака’, ‘грозовые тучи’ (монг. *бөөн үүл* ‘кучевые облака’, ойр. *көвкегер цаһаан үүлэн* ‘пушистые белые облака, калм. *семжн үүлн* ‘перистые облака’; монг. *борооны үүл* ‘дождевые облака’, ойр. *давхар хара үүлэн* ‘двойной слой чёрных кучевых облаков’, калм. *нигт хар үүлн* ‘густые дождевые (букв.

черные) облака»; монг. *бараан үүл* ‘свинцовые тучи’, ойр. *задиин хар үүлен* / бур. *туулган хара үүлэн* ‘свинцовые тучи’, калм. *күргр темэн хар үүлн* ‘большая черная грозовая туча’).

Некоторые наименования грозовых туч метафоричны. Например, метеолексема *темэн үүлн* (букв. *туча-верблюд*) имеет значение *грозовая туча большого размера*, так как *темэн* ‘верблюд’ – крупное животное; такая туча была предвестником ливня, грозы. Метеоним *семэжн үүлн* (букв. *туча-сальник*) обозначает ‘перистые облака’: внутренняя форма этой метеолексеммы ассоциативно связана с очертаниями *семэжн* ‘сальника, жирового покрова брюшины, брюшного жира’.

Лексеммы с данными метеокомпонентами встречаются в разных фольклорных жанрах и художественных текстах, где через образные аналогии с обозначенных явлений природы раскрывается философский взгляд на мир и житейская мудрость кочевников.

В разделе 2.4. «**Движение воздушных масс**» (123) рассматриваются лексические единицы, характеризующие движение воздушных масс.

Специфика обитания в условиях ветреного, переменчивого климата с температурными перепадами сделали из кочевника наблюдателя, аналитика и практика, что не могло не отразиться на процессе формирования метеолексикки, которая представляет собой самостоятельную систему, имеющую свои лексико-семантические особенности, а именно структуру, набор метеолексем, а также лингвокультурологические проявления, так как эта область лексикона является инвариантной частью языковой картины мира монголоязычных народов.

Письм.-монг. *salkin* / монг. *салхи(н)* / ойр. *салькин (салкин)* / бур. *һалхин* / калм. *салькн* ‘ветер’ – немаловажный фактор, определяющий образ жизни монголоязычных народов. Потому среди лексем, обозначающих в монгольских языках разновидности ветров, можно выделить несколько групп номинаций *ветра* по определенному дифференциальному признаку. Главные свойства ветра – *направление, сила и продолжительность*.

Номинации ветра классифицированы по 1) *направлению* (19), 2) *силе* (27), 3) *температуре* (14), 4) *времени года* (7).

Первая подгруппа, включающая наименования разновидностей ветра по его направлению, отразила особое значение ориентации на местности дляномада. В монгольском языке преобладают наименования направленности ветра относительно субъекта, например: *сөрөг салхи, тэсрэг салхи, эсрэг салхи* ‘встречный ветер’, *зохилдуу салхи* ‘попутный ветер’. В калмыцком языке номинации отражают ориентацию по сторонам света: *өмн үзгин салькн* ‘южный ветер’, *ар үзгин салькн* ‘северный ветер’, *дорд үзгин салькн* ‘восточный ветер’, *деед үзгин салькн* ‘западный ветер’.

Вторая подгруппа «Наименования разновидностей ветра с семантикой силы» включает сему разрушения (некой ломающей, валящей, сокрушающей стихии), характеризуется коннотацией интенсивности: ‘сильный, шквалистый, свирепый, разрушительный, резкий (монг. *догшин салхи* ‘грозный шквал, шквалистый ветер’, *улаан салхи* ‘песчаный смерч; сильный ветер, ураган’, *хар салхи* ‘циклон, буря, ураган, циклонический вихрь; пыльная буря’; калм. *һалв салькн* ‘шквальный ветер, ураган’, *тархагч һалв салькн* ‘разрушительный ураган’, *хү салькн* ‘вихрь, смерч’).

Третья подгруппа включает наименования, отражающие температурный спектр ветра. Здесь актуализируются семы *прохладный, холодный, теплый, горячий*: например, монг. *бүлээн салхи* ‘тёплый ветер’, *жихүүн салхи* ‘свежий, прохладный ветер’, *нөөлөх салхи* ‘порывистый тёплый ветер’, *урьхан салхи / урьхан хонгор салхи* ‘приятный тёплый ветерок’; калм. *зекун салькн* ‘прохладный ветер’, *хаврин хэвсх салькн* ‘пронизывающий весенний ветер’.

Четвертая подгруппа дает картину сезонных характеристик ветра, включающий весенний (‘теплый, приятный, иссушающий, пронизывающий’); осенний (‘легкий, прохладный, холодный’); зимний (‘холодный’); летний (‘знойный, горячий’): монг. *найртай салхи* ‘ветерок; приятный ветер, тёплый, весенний ветер’; калм. *намрин хоңһр салькн* ‘осенний легкий ветерок’, *хаврин хар салькн* ‘весенний сухой, иссушающий ветер’.

Слово *салькн* и производные от него лексемы активно функционируют в речи в переносных значениях: монг. *салхи шиг хөнгөн хүн*, калм. *салькта күн* (букв. ветренный человек), равно как и выражение *седклд салькн орх* (букв. в сознание проникает ветер) характеризуют легкомысленного, непоследовательного, безрассудного человека.

В архаических представлениях монголоязычных народов образ ветра воспринимался как живое существо, обладающее мощной разрушительной силой, способной воздействовать как на физическом уровне, так и на уровне сознания человека. Так, выражение *толһаднь салькн оржоч* ‘букв. в его голову проник ветер’ может означать не только легкомысленность, несерьезность, но и ситуацию болезненного состояния сознания: человек становится беспокойным, многословным и даже неадекватным.

Качества ветра – безудержная сила, всепроникающая природа, неуправляемость – нашли свое осмысление в пословицах, например: *Темнин сүвин чинэн нүкэр темәни чинэн салькн орна* ‘В цель величиной с игольное ушко врывается ветер величиной с верблюда’. Страх перед стихией ветра в воображении человека обретал формы, причем этнически маркированные (величиной с верблюда, ср. верблюжье облако), и был обоснованным. При кочевом образе жизни хозяйки на ночь всегда закрывали дымовое отверстие кибитки: ночью внезапно поднявшийся ветер через открытое дымовое отверстие мог проникнуть внутрь и разрушить кибитку, погубив обитателей.

Интересны анималистические пословицы с элементом *ветер*, отражающие повадки животных, в частности коз. Хотя козы у калмыков не входят в число четырех основных видов скота, все же в стаде их держали. Поведенческая особенность этих животных заключалась в том, что они обязательно уводили овец против ветра, тем самым доставляя немало хлопот животноводам. Это качество упрямого животного – поступать наперекор – отражается в следующих пословицах, транслируя данный недостаток на человека, например: *Серкин заң салькн тал* ‘У козла норов делать все наперекор’, ‘букв. идти против ветра’.

Монгольские народы знали, что сильный ветер – предвестник ненастья, используя эту приметку как аналогию жизненных ситуаций: монг. *Салхины сүүлд бороо, наадмын сүүлд хэрүүл* ‘После ветра – дождь, после игры – ссора’; калм. *Салькна сүл боран, наадна сүл керүл* ‘Конец ветра – ненастье, конец забавы – ссора’.



Качества ветра – безудержная сила, всепроникающая природа, неуправляемость – нашли свое осмысление в паремии, легендах, фольклорных и художественных текстах, в которых дается оценка поступкам, качествам, умонастроениям человека в сопоставлении с образом ветра, характеризуя мировидение монгольской языковой личности.

Глава 3. «**Природные объекты (небесные тела) в контексте традиционных представлений монгольских народов о погоде**» посвящена комплексному изучению природных объектов (небесных тел) в монгольских языках. Данная ЛСГ «Небесные тела» включает 172 единицы и представлена 3 подгруппами.

Для народов кочевой цивилизации, постоянно мигрировавших в поисках пастбищ, хорошие знания звездного неба, умение точно определять время, стороны света, свою локацию, ориентироваться на местности в необозримом степном пространстве, искать и безошибочно находить дорогу к колодцам и пастбищам – все это было жизненной необходимостью. Так постепенно складывались объективные представления о метеорологических, атмосферных явлениях и астрономических объектах (климате, погоде, небесных телах и т.д.), нашедших отражение в номадном лексиконе (метеонимы, астронимы / космонимы), в языковой картине мира народов.

В разделе 3.1. «**Солнце**» (6б) анализ подгруппы показал, что для кочевых монгольязычных народов светило имело практическое и мистическое значение. Лексема письм.-монг. *nara(n)* / монг. *нар(ан)* / ойр. *наран (наран)* / бур. *наран* / калм. *нарн* ‘солнце’ в сочетании с именами прилагательными образует номинации высокой степени жары, характерной для климата ареала обитания номадов: монг. *хурц нар* ‘яркое солнце; палящее солнце’, ойр. *хурца наран* ‘жгучее, палящее солнце’, калм. *хурц нарн* ‘(букв. острое) палящее солнце’, *күчтэ зальта нарн* ‘обжигающее жгучее солнце’, *шачах нарн* ‘испепеляющая жара (букв. солнце)’.

Монгольские народы характеризовали и прогнозировали погоду по цветовой характеристике солнца: монг. *шар нар* / ойр. *шара наран* / калм. *шар нарн* ‘желтое солнце’; *өңгтэ шарһ нарн* ‘букв. золотисто-соловое солнце’, *алтн нарн* ‘золотое солнце’. Данные словосочетания обозначают дневное солнце, предвещающее ясный день. Монг. *улаан наран* ‘красное солнце’ / ойр. *улаан наран* ‘красное солнце’ / калм. *ик улан төгрг нарн* ‘большое красное круглое солнце’ обозначают солнце на закате, когда красный диск имеет четкое очертание. По народным приметам, такое солнце предвещало непогоду, ветреность, пыльную бурю в предстоящий день.

Солнце для монголов являлось пространственным ориентиром времени, о чем свидетельствует присутствие в языке словосочетаний, обозначающих восход и закат, время до восхода, до заката солнца. По народным приметам, солнце, восходящее через тучи, предвещало зимой – холод, летом – дождь, а закат солнца через тучи зимой был предвестником отступления холода и наступление тепла [ПИМА].

Монголы определяли время и по углу падения солнечного луча, проникавшего в юрту через дымовое отверстие: круглое основание юрты подобно циферблату, площадь же юрты символически делилась на двенадцать частей, и в зависимости от того, на какую часть юрты падал луч, определяли время.

В языке зафиксировались наблюдения номадов за солнцем (характер, воздействия, положение), ставшие погодными приметами: *нар хүрээлбэл тэнгэр муухай аашилдаг* ‘кольцо вокруг солнца – к ненастью’; ойр. *улан мана татхла, сальклхин темдг, улан нарн хархла, һаңдхин темдг* ‘когда все затягивается красным туманом – к ветру, когда поднимается красное солнце – к засухе’.

Климат в языке характеризуется пределами видимости солнца на небосклоне. Если солнце светит мягко, то день (погода) будет хорошим, если солнце жгло, то калмыки обычно прогнозировали *хур орн гижэнэ* ‘вероятно, пойдет дождь’. Погода, климат местности зависит от многих факторов. Народные наблюдения за метеорологическими и астрономическими явлениями сформировали у монгольских народов свое объяснение погодно-климатических условий.

Ментальные представления об астрономических знаниях находят отражение в малых жанрах устного народного творчества. Солнце в текстах пословиц выступает в качестве некоего мерила, критерием оценки явлений, действий, поступков человека, где подчеркивается особое его значение – *нарна нилчиг тоолж болнго* ‘заслуги солнца не переоценить’. Как вселенная освещается солнцем, так и позитивные качества украшают человека, который, подобно солнцу, дарит радость всем вокруг: *Наадн уга күмн уга, нарн уга орчлң уга* ‘Без шутки нет человека – без солнца нет вселенной’.

Солнце символизирует движение, цикличность, знаменуя собой, что мир не стоит на месте, после заката всегда наступает рассвет, после ночи – утро. Так и в жизни человека: после горестей приходит радость, после падений бывают взлеты. В природных процессах кочевник видел законы бытия, его принципы, философию, и, переосмысливая свои наблюдения и размышления, фиксировал их в народной паремии, отражавшей систему жизненных ценностей этноса: *Эндрк нарн маңдур чигн харх* ‘Сегодняшнее солнце взойдет и завтра’, *Хаврин цаг ирх, халун нарн ээврлх* ‘Наступит весна – прогреет солнце’, то есть, как бы ни было плохо, наступит новый день, и жизнь продолжится.

В языковой картине мира калмыков *солнце* всегда знаменовало покой, благополучие, а временные трудности олицетворяли тучи, закрывавшие светило: *Үүлн эрлвл нар олж үздг, өшэтн эрлвл сээхниг олж үздг* ‘Когда рассеиваются тучи, появляется солнце, когда исчезает враг, обретают покой и благополучие’. Метеоним *туча*, временная в своем природном проявлении и олицетворяющая холод, и астроном *солнце*, вечное и согревающее по своей животворной сущности, вступают в отношения противопоставления, образно демонстрируя законы жизни мира кочевника.

Интересна визуальная характеристика солнца в текстах калмыцких загадок, где *нарн* ‘солнце’ представляется в различных формах, при этом всегда имеет небольшой размер. Например, по форме его сравнивают с круглыми краями пиалы, по размеру оно бывает величиной с альчик, ладонь, платок, и при этом всегда символизирует тепло, богатство, изобилие, например: *Ааһин чинэн зальд, хамг амтн көлчэж* ‘У огня величиной с чашу греются все люди’.

Жизнь монгольских народов-скотоводов неразрывно связана с местной фауной. Не удивительно, что при художественном переосмыслении в фольклоре астроном *солнце* обозначался зоонимом или орнитонимом. В исследованиях по

фольклорным текстам приводится такой ассоциативный ряд: *агт мөрн* ‘конь-рысак’, *улан һалзн бух* ‘красно-лысый бык’, *итлг* ‘сокол балобан’.

В языковой картине мира кочевых монгольских народов *Солнце* всегда являлось покровителем всего живого, источником тепла, изобилия, знаменовало покой и благополучие.

В разделе 3.2. «Луна» (29) основой специфики подгруппы является её фазовый цикл. Лексема письм.-монг. *sara* / монг. *сар(ан)* / ойр. *сара* / бур. *һара* / калм. *сар* ‘луна; месяц’ как небесное тело, освещающее Вселенную в темное время суток, также определяла жизненный уклад монгольских народов. Ежедневное наблюдение за Луной сформировало у кочевников четкое представление о фазах Луны, по которым прогнозировали погоду. Различали четыре основные её фазы: растущая (новая) Луна, половина Луны, полная Луна и убывающая Луна.

Новолуние – монг. *шинэ сар* / *сарын шинэ* ‘новолуние’, *сар гарах* ‘начало новолуния; восход Луны’; бур. *шэнэ һара*, *һарын шэнэ* ‘молодой месяц, новолуние’; *шэнэ һара гараха* ‘начало новолуния’; калм. *шин сар* ‘букв. новая Луна’, *урһсн сар*, ‘букв. растущая Луна’.

После наступления новолуния кочевники ожидали перемены погоды. Положение Луны определяло погоду на завтра. Согласно полевым материалам, на второй день новолуния, если Луна появляется острыми концами вверх (народн. «рожками вверх так, что можно подвесить ведро»), то это предзнаменовало дождь. Если Луна появляется боком (народн. «ведро невозможно подвесить»), то дождя не будет [ПМА].

Лексические обозначения половины Луны: монг. *заримдаг сар* ‘полумесяц’, *хавирган сар* ‘серп луны; лунный серп; полумесяц’; бур. *хахад (хэлтэгы) һара* ‘полумесяц; лунный серп’; калм. *өрэл сар* ‘половина луны’.

Лексические обозначения полнолуния: монг. *арван тавны сар* / *тэргэл сар* ‘полнолуние’, *сар дүгрэг* ‘полнолуние’; ойр. *дүүрең сара* ‘полная луна’, *арван тавни сара* ‘полная луна’; бур. *тэргэд һара* ‘полнолуние’; калм. *күцц сар* ‘букв. полная луна (месяц)’, *делгр сар* ‘букв. широкая луна (месяц)’. Наступление полнолуния также предвещало перемену погоды к похолоданию.

Лексические обозначения убывающей Луны: монг. *сар барагдах* ‘ущерб луны, месяц на исходе’, калм. *хуучн сар* ‘старый (убывающий) месяц’, *өңгрсн сар* ‘букв. убывающий месяц’.

Луна как астрономический объект транслирует номаду информацию о погодно-климатических явлениях, которые тот фиксирует в сознании как приметы, используемые в паремии для аналогии: калм. *Сар хотлвл киитн болхин темдг, санан икдвл аюл болхин темдг* ‘Если стоит полнолуние – это признак прохладной погоды, если человек становится высокомерным – это признак опасности’.

Важна роль поэтического образа Луны в репрезентации окружающего мира. Эти художественные образы всегда имеют положительную семантику. Луна как поэтический образ в художественных произведениях, символизирует завершенность, полноту действия, красоту, самодостаточность и т.д. Особенно ярко это выражено в текстах героического эпоса «Джангар», где с Луной сравнивают самого богдо Джангара и луноликих красавиц: *Дүүрң һарх арвн тавна / Сар мет мандлад суув* ‘Восседали, подобно полной луне пятнадцатого дня лунного месяца’

(о Джангаре); *сар нарн зурлһта* ‘подобно очертаниям луны и солнца’, *нарн сар мет сээхн күүкн* ‘подобна солнцу и луне прекрасная девушка’.

В поэтических описаниях Луны (например, в загадках), подчеркивается ее небольшой размер: калм. *половина лепешки и кренделя* (в зависимости от фазы); *величиной с серебряную чашу*, а отражение лунного луча на предмете сравнивается с серебряными монетами: *Өрк деер өдмгин өрэл* ‘Над дымником юрты полбуханки хлеба (луна)’; *Тотх деер тоһшин өрэл* ‘На косяке двери юрты половина кренделя (полумесяц)’; *Мөсн деер мөңгн ааһ* ‘На льду серебряная чаша (луна)’.

Часто в загадках Луну сравнивают с домашними животными: *иңгн* ‘верблюдица’, *улан хуц* ‘красный баран’: калм. *Мек-тек буур мэкp-мэкp иңгтә, тоолиш уга тормта, тосхаиш уга өргәтә* ‘У спокойного верблюда-самца тихая, смиренная верблюдица, бесчисленное количество верблюжат и дворец, что нельзя сотворить (соорудить) (Солнце, Луна, звезды на небе)’.

Луна играет важную роль в материальной и духовной жизни монгольских народов, которые любые значимые начинания планировали согласно лунному календарю, и является символом завершенности, красоты, цикличности.

В разделе 3.3. «Небо, звезды» (77) анализ подгруппы показал, что лексема письм.-монг. *tngrī* ‘небо; тенгри (божество, небожитель)’; монг. *тэнгэр* / ойр. *теңгер (теңгери)* / бур. *тэнгэри* / калм. *теңгр* широко используется в значениях ‘небо, небеса’, ‘гром’, ‘погода’, ‘небо-божество’. Сочетаемость подтвердила полисемию этой лексемы: в значении ‘небо, небеса’ характеризуют ясную, безоблачную, ненастную погоду (*тэнгэр сайхан, тэнгэр цэлмэг*); в значении ‘бог; гений; божество, небожитель (небо как божество)’ является предметом поклонения монголов: *мөнх хөх тэнгэр, богд тэнгэр, бурхан тэнгэр, газрын тэнгэр, хан теңгр, теңгр бурхн*. Монгольские народы по состоянию неба прогнозировали погоду: чистое, безоблачное небо – предвестник ясной погоды, темное, покрытое тучами небо – предвестник ненастья.

В представлении монгольских народов *небо* могло быть *помогающим*, к которому можно было обратиться за помощью и справедливостью, а также *всевидящим, карающим* божеством, вершащим суд над согрешившими.

Значение *помогающее божество* зафиксировано в устойчивых выражениях *теңгр халэх* ‘бог поможет’, *теңгр кишг заяна* ‘небо-божество дарует счастье’, *теңгр өршәнә* ‘небо помилует’. Кочевники верили, что небо может наделять человека такими способностями, как ясновидение, целительство, что отразилось в устойчивом понятии *теңгр бурхна билг* ‘особый дар неба-божества’, ниспосланный свыше. Таким даром наделялся не каждый. Довольно частотны в монгольских языках устойчивые выражения, выражающие просьбу о помиловании, снисхождении, защите, покровительстве: *теңгр өршәтхә!* ‘пусть бог смилостивится’; *теңгр евәтхә!* ‘пусть бог покровительствует’, *теңгр хәәрлтхә!* ‘пусть бог помилует!’. Семантика *всевидящее божество* закрепились в выражениях *теңгр нүдтә* ‘букв. небо имеет глаза; все видит’, *теңгр соңсна* ‘небо-божество слышит’. Ипостась *карающего* божества обнаруживается в устойчивых выражениях *теңгр цокг* ‘пусть меня покарает небо, пусть меня ударит молния’, *теңгр шоодна* ‘небо-божество наказывает’. Проявление эмоций сдержанные кочевники также оценивали в связи с *небом*. Состояние переполняющей, большой радости характеризовалось так: *теңгерт һаран күргх* ‘букв. дотянуться руками до

неба; быть на седьмом небе, радоваться безмерно’, то есть чем ближе к небу, тем счастливее. Чрезмерная похвала ограничивалась небом: *теңгрт күргэд магтх* ‘превозносить до небес, чрезмерно хвалить’.

Древние представления монгольских народов о погодных явлениях также связывались с небом: например, рождение *дождя из неба*, что рассматривалось как благоволение к человеку в награду за определенные заслуги. Отголоском этого представления в настоящее время является бытующая по сей день примета: начавшийся дождь – к успеху в делах. В наказание за неблагие поступки дождь может показать и свою разрушительную силу – *теңгрин аюл*. В традиционных благопожеланиях существует поэтическая константа: монг. *тэнгэрийн гайгүй* ‘без стихийных бедствий’; калм. *теңгрин аюл уга* ‘[жить] без потрясений’, *теңгрин өвчн уга* ‘[жить] без болезней’.

Метеолексема *теңгр* в значении *погода* зафиксирована в номадной паремии, характеризуя сезонную погоду в сравнении с качествами человека: калм. *Увлин теңгр бората болдг, үүрсг күн гиичтэ болдг* ‘Зимняя погода бывает снежной, а дружелюбный человек гостеприимным’, то есть природная гармония смены времен года (снежная зима обещает напоённую влагой землю весной) ассоциируется с гармонией человеческих отношений (дружелюбием и гостеприимством); *Теңгрин му эрлдг, күүнэ му эрлдг уга* ‘Плохая погода проходит, а человеческие пороки не исчезают’, то есть изменчивость, непостоянство погоды противопоставлено устойчивости человеческих пороков.

**Звезды / созвездия** на ночном небе для кочевых народов являлись объектом наблюдения для ориентации в пространстве и для определения метеорологических условий предстоящего дня. Большое количество ярких звезд на ночном небе предвещали ясную погоду в теплое время года и морозную погоду в холодное время года.

Скотоводы к концу лета начинали наблюдать за звездами, высматривая *Мичид / Мечид / Мөчн* ‘Стожары’ – мелкие, ранее невидимые звезды, которые являлись предвестниками наступления осени. Они появлялись в конце августа вместе с *Теңгрин Уйдл* ‘Млечным Путем’. Когда Стожары поднимались высоко над горизонтом, кочевники знали, что наступала полночь. С появлением этих звезд ветер становился прохладным, ночи холодными. Весной их исчезновение знаменовало наступление летних жарких дней. Буряты в прежние времена могли предсказать засуху, «наблюдая за созвездием Плеяд (*Суг мүшэн*) в первый месяц лета, когда оно уходит с небесного свода, знаменуя наступление лета. Если созвездие при исчезновении с небосклона погрузится в воду, будет засуха. Под водой подразумевается мгла, туман» [Содномпилова, 2009: 29].

Космоним *Большая Медведица* присутствует во всех монгольских языках (*Огторгуйин Долоон бурхан од, Долоон бяруу, Долоон өвгөн, Долоон бурхан, Долан бурхн, Долоон марал*), имея константный компонент *долан* (семь). *Большая Медведица* для кочевников олицетворяла покровительство и защиту детей, была связана с потеплением на земле. *Полярная звезда* – главный ориентир для заплутавшего путника, потому у монгольских народов не только красива, но и «спасительна» (калм. *аврл хээртэ одн* ‘Полярная звезда’ ‘спасительная звезда’ [Кичиков, 1997: 50-51].

Наблюдения за природными объектами значительно облегчали жизнь

кочевников, помогая заранее быть готовыми к капризам погоды, найти нужное и правильное направление, определять суточное время.

**В заключении** диссертационного исследования представлены результаты и выводы комплексного изучения (лексико-семантического и лингвокультурологического) лексических единиц, обозначающих природные явления (метеонимы) и небесные объекты (астронимы / космонимы) в монгольских языках. Анализ лексики природных явлений и объектов (859), позволил выделить 5 лексико-семантических микрополя в семантическом поле «Природа»: «погода», «воздух», «осадки», «ветер», «небесные тела». Исследование проводилось с учетом контекстного употребления лексических единиц, то есть реализации синтагматических отношений. Определились 5 групп лексических единиц со значением характеристики ключевого понятия микрополя: 1) ЛСГ «Состояние погоды» (102); 2) ЛСГ «Температура воздуха» (132); 3) ЛСГ «Атмосферные осадки» (330); 4) ЛСГ «Движение воздушных масс» (123); 5) ЛСГ «Небесные тела» (172). Лексика, обозначающая природные явления и объекты, в основном имеет исконное происхождение, но встречаются заимствования из тюркских, тибетского и санскритского языков.

Монголоязычная языковая личность, чья жизнь и хозяйственно-экономический уклад был связан и во многом зависим от состояния окружающего мира и погоды, в своей языковой картине мира последовательно и всесторонне использовала характеристики состояния погоды, температуры воздуха, атмосферных осадков, движения воздушных масс; фиксировала в языковом сознании наблюдения за солнцем, луной, небом и звездами для того, чтобы адекватно отразить увиденное. Задействовав данные лексемы в переносном, метафорическом значении, номад таким образом обогащал язык. Об этом свидетельствует представленное лексико-семантическое и лингвокультурологическое поле лексем природных явлений и объектов традиционного представителя монгольских народов.

**Перспективой** исследования может стать возможность дальнейшего углубленного анализа данного пласта лексики в этимологическом, сравнительно-историческом аспектах, проведения исследований других лексико-грамматических групп, а также использования данных подходов к изучению других языковых групп.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:**

*Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ, соответствующие научной специальности:*

1. Баринава Б.В. Калмыцкая метеорологическая лексика межсезонья в сравнении с близкородственными языками / Б.В. Баринава, Р.П. Харчевникова, Г.Ц. Пюрбеев, П.Ц. Биткеев, М.У. Монраев // *Litera*. – 2023. – № 12 – С. 328-337.

2. Баринава Б.В. Лексемы состояния погоды в монгольских языках: лексико-семантическая характеристика / Б.В. Баринава // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. – 2024. – Том 15. – № 1. – URL: <https://sflk-mn.ru/PDF/22FLSK124.pdf>

3. Баринава Б.В. Структурно-грамматические и лингвокультурологические

аспекты метеолексемы «халун» в монгольских языках / Б.В. Баринаова, В.Н. Мушаев // *Litera*. – 2024. – № 3. – С. 195-198.

*Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ:*

4. Баринаова Б.В. Лексема «нарн» (солнце) в лингвокультуре калмыков (на материале фольклорных и художественных произведений) / В.Н. Мушаев, Б.Э. Убушиева, Б.В. Баринаова // *Научная мысль Кавказа*. – 2020. – № 4 (104). – С. 150-156.

5. Баринаова Б.В. Лингвокультурологические аспекты калмыцкой астрономической лексики в сравнительном освещении / В.Н. Мушаев, В.Н. Хонинов, Б.В. Баринаова // *Вестник Калмыцкого университета*. – 2021. – № 3 (51). – С. 106-113.

6. Баринаова Б.В. Номинативы звезд и созвездий в лексико-культурологической традиции калмыков / В.Н. Мушаев, В.Н. Хонинов, Б.В. Баринаова // *Вестник калмыцкого университета*. – 2022. – № 4 (56). – С. 108-114.

*Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций:*

7. Баринаова Б.В. Метеорологическая лексика со словом «салкн – ветер» в калмыцком языке / Д.Б. Гедеева, Б.В. Баринаова // «Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия». Материалы II Международного научного форума 29 ноября – 2 декабря. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. – С.87-89.

8. Баринаова Б.В. Лексика калмыцкого языка, отражающая дождливую погоду / Б.В. Баринаова // «Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве». Материалы III Международного научного форума 11-14 ноября. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. – С. 71-73.

9. Баринаова Б.В. Современные направления изучения метеорологической терминологии (на материале монгольских и тюркских языков) / В.Н. Мушаев, Б.В. Баринаова // «Вестник Западно-Казахстанского инновационно-технологического университета». – № 3 (11). Материалы XX международной конференции молодых ученых 13-15 апреля. «Прогресс науки - залог развития инновационного общества», посвященную 1150-летию выдающегося мыслителя Востока аль-Фараби. г. Уральск, Казахстан: Изд-во ИКЦ ЗКИТУ, 2020. – С. 319-321.

10. Баринаова Б.В. Метеорологическая лексика в калмыцком языке: системный аспект / Б.В. Баринаова, Д.О. Додаева // Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований. IV Международный научный форум. 17-18 декабря 2020. – С. 64-66.

11. Баринаова Б.В. Лексема «сар» (луна) в лингвокультуре калмыков (на материале фольклорных и художественных произведений) / В.Н. Мушаев, Б.В. Баринаова // Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире. V Международный научный форум. – Элиста, 2021. – С. 88-91.

12. Баринаова Б.В. Лексико-семантическая группа «боран» (непогода) в калмыцком языке / Б.В. Баринаова, Д.О. Додаева // Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире. V Международный научный форум. – Элиста, 2021. – С. 96-99.

Подписано в печать 22.10.2024.  
Формат 60x84/8. Усл. п. л. 1,39.  
Тираж 100 экз. Заказ 5762.

Издательство Калмыцкого университета  
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11